

*Посвящается моему брату Робу
и его замечательной семье – Оди, Ким, Эдаму и Саре.
С любовью*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Клара Морроу опустилась на колени в пахучую влажную траву на деревенском лугу и тщательно спрятала пасхальное яйцо, размышляя о воскрешении мертвых, каковым она собиралась заняться сразу после ужина. Убрыв с лица прядку волос, она оставила в своей спутанной гриве комочки грязи и какого-то коричневого вещества, которое, возможно, не было грязью. Жители деревни бродили повсюду с корзинками яркоокрашенных яиц в поисках наилучшего места, куда их можно спрятать. Рут Зардо сидела на скамейке посреди луга и время от времени набум кидала яйца; впрочем, иногда она прицеливалась и попадала кому-нибудь по затылку или по пятой точке. «Для ее лет и расстроенной психики она удручающе точный снайпер», — подумала Клара.

— Ты сегодня придешь? — спросила Клара, стараясь отвлечь старую поэтессу и не дать ей прицелиться в месье Беливо.

— Ты что, шутишь? И от живых-то не знаешь куда деться. С какой стати еще мертвых воскрешать?

С этими словами Рут бросила яйцо и попала точно в затылок месье Беливо. К счастью, владелец магазина носил матерчатую кепку. И к счастью, он с большой приязнью относился к седоволосой хулиганке. Рут хорошо выбирала свои жертвы. Почти всегда это были люди, которые ей симпатизировали.

Как правило, обстрел шоколадными пасхальными яйцами никому не наносит вреда, вот только яйца были

не шоколадными. Эту ошибку они совершили только раз и больше не повторяли.

Несколькими годами ранее, когда жители Трех Сосен впервые решили устроить охоту за яйцами в пасхальное воскресенье, в деревне царило большое оживление. Жители деревни встретились в бистро Оливье за стаканчиком выпивки с сыром бри и разделили между собой пакетики с шоколадными яйцами, которые надлежало спрятать на следующий день. Воздух наполнился охами и ахами с оттенком легкой зависти. Взрослые люди словно опять стали маленькими. Но настоящее удовольствие они собирались получить, увидев лица своих детей. К тому же дети все равно не смогли бы найти все яйца, в особенности те, что были спрятаны за стойкой бара Оливье.

— Они великолепны. — Габри взял крохотного, изящно вылепленного марципанового гуся и откусил ему голову.

— Габри! — Его партнер Оливье выбил остатки гуся из большой руки Габри. — Это же для детей!

— Ты просто хочешь оставить их себе. — Габри повернулся к Мирне и прошептал так, чтобы было слышно всем: — Прекрасная идея. Геи предлагают шоколадки детям. Дадим повод для разговоров нравственному большинству.

Оливье, светловолосый и застенчивый, зарделся.

Мирна улыбнулась. Она и сама была похожа на громадное рождественское яйцо: черная, круглая, облаченная в великолепный багряно-красный кафтан.

Большинство жителей крохотной деревни, собравшиеся в бистро, сгрудились у длинного бара из полированного дерева, хотя какая-то часть удобно расположилась в креслах, стоящих по всему залу. Все эти кресла продавались. Бистро Оливье было заодно антикварным магазином. Бирки висели практически на всем, включая и Габри, — тот вешал на себя бирку, когда чувствовал, что его недооценили и недохвалили.

Стояло начало апреля, и в каминах весело потрескивал огонь, отбрасывая теплый свет на широкие доски соснового пола, пожелтевшие от времени и солнечного света. Официанты сновали по залу под потолочными балками, предлагая напитки и мягкий тягучий сыр бри с фермы месье Паже. Бистро находилось в самом центре старой квебекской деревни, у деревенского луга. По обе стороны бистро, соединенные с ним дверями, расположились магазины, державшие деревню в старых кирпичных объятиях. Универсальный магазин месье Беливо, пекарня Сары, потом само бистро и, наконец, «Книги Мирны, новые и старые». Три высокие перекореженные сосны стояли в дальнем конце деревенского луга с незапамятных времен; они напоминали трех мудрецов, которые обрели то, что искали. Из деревни выходили грунтовые дороги, петляющие среди лесов и гор.

Но сами Три Сосны были забытой деревней. Время бурлило и вихрилось, а иногда и натывалось на деревню, но никогда долго в ней не задерживалось и никогда не оставляло там заметных следов. Сотни лет гнездилась эта деревенька среди нагромождения канадских гор, защищенная и упрятанная. Посторонние обнаруживали ее лишь случайно. Иногда усталый путешественник с гребня холма вдруг обнаруживал зовущий кружок старых домов — этакую канадскую Шангри-Ла¹. Часть домов была построена из обветренного плитняка первыми поселенцами, расчистившими землю от деревьев с глубоко вросшими корнями и громадных камней. Другие дома были из красного кирпича, их построили лоялисты², искавшие здесь убежища. У некоторых домов были крутые крыши

¹ *Шангри-Ла* — вымышленное место, о котором рассказывается в романе английского автора Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933). Эта мистическая долина, где все живут в гармонии, стала синонимом земного рая, мифической гималайской утопии.

² *Лоялисты* — жители британских колоний в Северной Америке, занявшие во время американской Войны за независимость (1775–1783) сторону английской короны. Многие из них покинули колонии и осели в Канаде.

с металлической кровлей, привычным коньком и широкими верандами — типичные квебекские сооружения. А в дальнем конце расположилось бистро Оливье, где можно было выпить кофе с молоком, съесть свежий круассан, поболтать с друзьями, погрузиться в атмосферу доброты. Тот, кто обнаруживал Три Сосны, уже не мог их забыть. Но находили эту деревню только потерянные люди.

Мирна посмотрела на свою подругу Клару Морроу, и та высунула язык. В ответ Мирна высунула свой. Клара закатила глаза. То же самое сделала и Мирна, присев рядом с Кларой на мягкий диван перед камином.

— Ты, случайно, не накурилась садовых удобрений, пока я была в Монреале?

— На сей раз нет, — рассмеялась Клара. — У тебя что-то на носу.

Мирна ощупала лицо, нашла что-то, обследовала.

— Мм... Это шоколад или кожа. Есть только один способ узнать наверняка.

Она бросила находку в рот.

— Боже! — поморщилась Клара. — И ты еще удивляешься, что у тебя никого нет.

— Я не удивляюсь, — улыбнулась Мирна. — Я и без того полна — мне никто не нужен.

— Неужели? А как насчет Рауля?

— Ах, Рауль, — мечтательно протянула Мирна. — Он был так мил.

— Просто конфетка, — согласилась Клара.

— Вот он меня дополнял, — сказала Мирна. — А потом и кое-кто еще. — Она похлопала себя по животу, большому и объемистому, как и сама женщина.

Их разговор прервал острый как бритва голос:

— Посмотрите-ка на это!

Посреди бистро стояла Рут Зардо, держа шоколадного зайца так, словно это граната. Заяц был сделан из отличного темного шоколада, его длинные уши были настороженно подняты, а мордочка получилась такой реалистичной, что Клара подумала — вот сейчас он пошевелит своими тонкими шоколадными усиками. В лапках зайчик

держал сплетенную из белого и молочного шоколада корзинку, в которой лежала дюжина роскошно раскрашенных шоколадных яиц. Все выглядело очень мило, и Клара взмолилась, чтобы Рут не швырнула в кого-нибудь это шоколадное изделие.

— Это чертов заяц, — прорычала старая поэтесса.

— Их я тоже ем, — сообщил Габри Мирне. — Я был зачат, чтобы есть зайчат.

Мирна рассмеялась и тут же пожалела об этом. Рут обратила на нее свой гневный взгляд.

— Рут... — Клара встала и осторожно приблизилась к поэтессе, держа стаканчик с виски Питера в качестве взятки. — Отпусти зайчика.

Прежде она такого никогда не произносила.

— Если это зайчик, — проговорила Рут, словно обращаясь к умственно отсталому ребенку, — так откуда у него вот это?

Она показала на яйца.

— С каких пор зайцы несут яйца? — гнула свое Рут, глядя на ошарашенных жителей деревни. — Вам это не приходило в голову? Откуда они их берут? Предположительно у шоколадных курочек. Этот зайчик, вероятно, спер яйца у шоколадной курочки, которая теперь ищет своих деток. Возмутительно!

Забавно: пока старая поэтесса говорила все это, Клара и в самом деле представила себе шоколадных курочек, которые в отчаянии ищут свои потерянные яйца. Яйца, похищенные пасхальным зайцем.

В этот момент Рут бросила шоколадного зайца на пол, и тот разбился на кусочки.

— О боже! — воскликнул Габри и бросился подбирать то, что осталось. — Я хотел отдать его Оливье.

— Правда? — спросил Оливье, забывший, что сам же и покупал этого зайца.

— Странный какой-то праздник, — зловеще произнесла Рут. — Я его никогда не любила.

— Теперь это взаимно, — сказал Габри, держа разбитого зайца, словно любимое раненое дитя.

«Какой же он отзывчивый», — уже не в первый раз подумала Клара. Габри был такой большой, такой огромный, что о его чувствительности легко было забыть. Пока не наступали такие вот мгновения, когда он нежно держал умирающего шоколадного зайца.

— Как мы празднуем Пасху? — спросила старая поэтесса, выхватив из руки Клары стакан с виски Питера и осушив его. — Мы ищем яйца и едим горячие крестовые булочки¹.

— Mais² мы и в Святой Томас тоже ходим, — возразил месье Беливо.

— В пекарню Сары ходит больше людей, чем когда-либо появляется в церкви, — отрезала Рут. — Они покупают выпечку, на которой изображено приспособление для пыток. Я знаю, вы думаете, что я сумасшедшая, но, возможно, я здесь единственный здравомыслящий человек.

На этой пугающей ноте она похромала к двери, но у порога повернулась:

— Не давайте этих шоколадных яиц детям. Иначе случится что-нибудь плохое.

И она, как плачущий пророк Иеремия, оказалась права: плохое и в самом деле случилось.

На следующее утро яйца исчезли. Найти удалось только обертки. Поначалу жители деревни подозревали детей постарше. Кое-кто даже думал, что это Рут саботирует праздник.

— Нет, вы только взгляните, — сказал Питер, показывая растерзанную коробку из-под шоколадного зайца. — Отметины зубов. И когтей.

— Значит, это и правда Рут, — пробормотал Габри, забрал у него коробку и стал изучать.

— Посмотрите-ка! — Клара бросилась за оберткой от пасхального яйца, которую понесло ветром по лугу. — Она тоже вся разодрана.

¹ *Английские крестовые булочки* — сдобные булочки с корицей и изюмом, украшенные крестом из теста или сахарной глазури; перед едой разогреваются.

² Но (*фр.*).

Пробежав все утро в погоне за обертками и восстановив порядок, большинство обитателей деревни вернулись в бистро Оливье, чтобы согреться у огня.

— Ну что? — обратилась Рут к Питеру и Кларе за ланчем. — Теперь вы понимаете, что грядет?

— Должен признать, это представляется очевидным, — рассмеялся Питер, вгрызаясь в горячий сэндвич: ветчина, копченая в кленовом соке, и рассыпчатый круассан, соединенные расплавленным камамбером.

Вокруг него встревоженно гудели родители, пытавшиеся подкупить плачущих детей.

— Наверное, все дикие животные, обитающие в радиусе ста миль, прошлой ночью побывали в деревне, — сказала Рут, медленно раскручивая ледяные кубики в своем виски. — И пожрали пасхальные яйца. Лисы, еноты, белки.

— Медведи, — добавила Мирна, подходя к столу. — Господи боже, это же ужас. Все эти изголодавшиеся медведи выбирают из своих берлог — после зимней спячки они готовы сожрать что угодно.

— Представляете, как они удивились, увидев шоколадные яйца и зайцев? — сказала Клара, перед тем как отправить в рот очередную порцию рыбной похлебки из ломтиков лосося, морских гребешков и креветок. Она взяла длинный французский батон с хрустящей корочкой и, отломив кусочек, намазала на него особое сладкое масло Оливье. — Бедные медведи, где уж им понять, что за чудо произошло, пока они пребывали в спячке.

— Не все, что происходит, — чудо, — сказала Рут, оторвав взгляд от янтарной жидкости и уставясь в сводчатое окно. — Не все, что возвращается к жизни, должно возвращаться. Такое странное время года. Сегодня дождь, завтра снег. Никакой определенности. Все непредсказуемо.

— Любой сезон непредсказуем, — заметил Питер. — Ураганы осенью, снежные бури зимой.

— Ты как раз подтверждаешь то, что я говорю, — сказала Рут. — Ты можешь назвать угрозу. Мы все знаем,

чего ожидать в другие сезоны. Но не весной. Весной случаются самые сильные наводнения. Лесные пожары, убийственные морозы, снежные бури, сели. Природа пребывает в раздрае. Может произойти что угодно.

— Но весной случаются и самые прекрасные дни, — возразила Клара.

— Верно. Чудо возрождения. Насколько мне известно, на этой концепции построены целые религии. Но есть вещи, которые лучше бы не возрождались никогда. — Старая поэтесса встала и допила виски. — Еще ничего не закончилось. Медведи вернутся.

— Я бы тоже вернулась, — сказала Мирна, — если бы вдруг нашла шоколадную деревню.

Клара улыбнулась, не сводя глаз с Рут, которая — редкий случай — не излучала злости и раздражения. Вместо них Клара увидела кое-что куда более тревожное.

Страх.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рут оказалась права. Каждую Пасху медведи возвращались в поисках шоколадных яиц. Они, конечно, ничего такого не находили и по прошествии двух-трех лет сдались и вместо этого обосновались в лесах вокруг Трех Сосен. Обитатели деревни быстро усвоили правило: на Пасху не уходить далеко в лес и никогда, ни в коем случае не становиться между медвежонком и медведицей.

Все это задумано природой, говорила себе Клара. Но беспокойство все же грызло ее. Они каким-то образом сами накликали это на себя.

И вот Клара снова обнаружила, что стоит на коленях на деревенском лугу, на этот раз с великолепными деревянными яйцами, которые они теперь использовали вместо настоящих. Эта идея принадлежала Ханне и Рору Парра. Они приехали из Чешской Республики и в том, что касается всяких хитростей с крашеными яйцами, были людьми искушенными.

За зиму Рор выстругивал немалое количество деревянных яиц, а Ханна раздавала их всем, кто хотел их раскрасить. И вскоре люди из всех уголков Восточных кантонов увлеклись изготовлением деревянных яиц. Школьники использовали вырезанные из дерева яйца для своих арт-проектов, родители обнаруживали в себе скрытые таланты, бабушки и дедушки расписывали яйца сценами из своей молодости. Долгой квебекской зимой они расписывали яйца, а в Страстную пятницу начинали их прятать. Найдя деревянное яйцо, дети обменивали его на настоящее. Или по меньшей мере на шоколадное.

— Ой, посмотрите-ка, — громко проговорила Клара от пруда на деревенском лугу.

К ней подошли месье Беливо и Мадлен Фавро. Месье Беливо наклонился, его длинное худое тело сложилось чуть ли не пополам. В высокой траве обнаружилось гнездо с яйцами.

— Они настоящие, — рассмеялся месье Беливо и развел траву, чтобы показать Мадлен.

— Прекрасно, — сказала Мад, протягивая руку.

— Mais, non, — остановил он ее. — Их мать откажется от них, если вы к ним притронетесь.

Мад тут же отдернула руку и с широкой улыбкой взглянула на Клару. Клара всегда с симпатией относилась к Мадлен, хотя они едва знали друг дружку. Мад жила здесь всего несколько лет, была немного моложе Клары и полна жизненных сил. Еще она была от природы красива, носила короткие темные волосы и смотрела на мир умными карими глазами. Казалось, она всегда была довольна собой. «А почему бы и нет, — думала Клара. — После всего, что она вынесла».

— Это чьи яйца? — спросила Клара.

Мадлен сделала недоуменное лицо и подняла руки вверх, как бы сдаваясь.

Месье Беливо снова сложился пополам изящным движением:

— Не куриные. Для курицы великоваты. Наверное, утиные или гусиные.

— Вот будет здорово, — сказала Мадлен. — Веселая семейка на деревенском лугу. Когда начинается спиритический сеанс? — спросила она у Клары.

— Вы придете? — Клара была удивлена, хотя и приятно. — И Хейзел тоже будет?

— Нет, Хейзел отказалась. Завтра утром возвращается Софи, и Хейзел говорит, что должна приготовить еду и прибраться в доме, *mais, franchement*¹... — Мадлен заговорщицки подалась к ней. — Она боится призраков. А месье Беливо согласился прийти.

— Мы должны быть благодарны, что Хейзел предпочла кухарить, — сказал месье Беливо. — Она приготовила нам великолепную запеканку.

«Это очень похоже на Хейзел, — подумала Клара. — Всегда в первую очередь думает о других». Клара немного опасалась того, что люди будут пользоваться щедростью Хейзел, в особенности эта ее дочурка. Впрочем, это не ее дело.

— Но у нас еще много дел до обеда, *mon ami*².

Мадлен одарила месье Беливо широкой улыбкой и слегка прикоснулась к его плечу. Месье Беливо улыбнулся. Он редко улыбался после смерти жены, а вот теперь улыбнулся, что стало для Клары еще одним поводом проникнуться уважением к Мадлен. Она наблюдала за тем, как они несут корзинки с пасхальными яйцами в лучах позднеапрельского солнца, льющего недавно возродившийся нежнейший свет на недавно зародившиеся нежные отношения. В ногах высокого, худого и чуть сутулого месье Беливо словно появились пружины.

Клара встала и потянулась всем своим сорокавосемилетним телом, потом огляделась. На этом поле словно выросли задницы. Все жители деревни стояли внаклонку, пряча яйца. Клара пожалела, что не прихватила альбом для рисования.

В Трех Соснах определенно не было ничего выдающегося, ничего из ряда вон выходящего и вообще ничего

¹ Но, если откровенно... (*фр.*)

² Мой друг (*фр.*).

такого, что имело значение для Клары, когда она окончила колледж искусств двадцать пять лет назад. Здесь не работал архитектор. Деревня как будто образовалась сама собой под сенью трех сосен, просто сама собой выросла из земли с течением времени.

Клара набрала полную грудь душистого весеннего воздуха и посмотрела на дом, в котором они с Питером жили. Кирпичный дом с деревянным крылечком и стенами из плитняка был обращен фасадом к лугу. От калитки к входной двери дома вилась тропинка между яблонями, вот-вот готовыми расцвести. Потом Клара обвела взглядом другие дома вокруг деревенского луга. Дома в Трех Соснах, как и их обитатели, были коренастыми, закаленными средой обитания. Они могли выдержать военную осаду, утрату и скорбь. И из этой среды возникало сообщество великой доброты и сострадания.

Клара любила Три Сосны. Дома, магазины, луг, многолетние сады и даже дороги, напоминающие стиральную доску. Ей нравилось то, что Монреаль находится всего в двух часах езды на север, а до американской границы на юге вообще рукой подать. Но больше всего она любила людей, которые в эту и другие Страстные пятницы прятали деревянные яйца для детей.

Пасха была поздняя — стоял конец апреля. С погодой им не всегда так везло. По меньшей мере один раз деревня проснулась в пасхальное воскресенье и обнаружила, что завалена тяжелым весенним снегом, засыпавшим нежные почки и разрисованные яйца. Нередко стоял колючий холод, и жителям приходилось забегать в гостеприимное бистро Оливье, чтобы выпить горячего сидра или горячего шоколада, обхватив дрожащими, замерзшими пальцами теплую кружку.

Но не сегодня. В этом апрельском дне было какое-то неясное великолепие. Это была идеальная Страстная пятница, солнечная и теплая. Снег сошел даже в тенистых местах, где он обычно задерживается. Начала пробиваться травка, вокруг деревьев образовался ореол нежнейшей зелени. Создавалось впечатление, что аура Трех Сосен

вдруг стала видимой: сплошной золотистый свет с мерцающим зеленым обрамлением.

Сквозь землю начинали пробиваться луковицы тюльпанов, и вскоре деревенский луг обещал покрыться весенними цветами: темно-синими гиацинтами, колокольчиками, нарциссами, весело покачивающими головкой, подснежниками и пахучими ландышами, — и тогда деревня наполнится ароматами и ощущением радости.

В эту Страстную пятницу в Трех Соснах пахло свежей землей и обещанием. А еще, может, двумя-тремя червяками.

— Что бы ты ни говорил, я все равно никуда не пойду.

Клара услышала этот взволнованный и сердитый шепот, стоя на четвереньках в высокой траве у пруда. Она не видела, кто говорит, но понимала, что человек находится, видимо, по другую сторону травы. Это была женщина, говорила она по-французски, но тон голоса был такой напряженный и расстроенный, что Клара не смогла его идентифицировать.

— Это всего лишь спиритический сеанс, — проговорил мужской голос. — Будет забавно.

— Да это же настоящее святотатство. Спиритический сеанс в Страстную пятницу?

Последовала пауза. Клара чувствовала себя неловко. Не из-за того, что подслушивала, просто у нее начали затекать ноги.

— Да брось ты, Одиль! Ты даже нерелигиозна. И что может случиться?

«Одиль?» — подумала Клара. Она знала только одну Одиль — Одиль Монманьи. И та была...

Женщина снова громко зашептала:

Зимы морозные укусы и майский жук —
Все оставляет в жизни след,
И слышит этот скорбный звук
И тот, кто юн, и тот, кто сед.

После чего наступило потрясенное молчание.

...очень плохим поэтом, закончила свою мысль Клара.

Одиль декламировала торжественным тоном, словно эти слова отражали нечто большее, чем поэтический дар.

— Я буду за тобой приглядывать, — сказал мужчина.

Теперь Клара узнала и его. Жиль Сандон, бойфренд Одиль.

— Объясни, зачем тебе туда надо, Жиль?

— Да так, просто забавно.

— Потому что она там будет?

Наступила тишина, нарушаемая лишь стоном Клариных ног.

— Ты же знаешь, что и он там будет, — не отступала

Одиль.

— Кто?

— Ты знаешь кто. Месье Беливо, — сказала Одиль. — У меня плохое предчувствие, Жиль.

Последовала еще одна пауза, потом заговорил Сандон, низким ровным голосом, словно он предпринимал громадные усилия, чтобы подавить в себе все эмоции:

— Не волнуйся. Я его не убью.

Клара начисто забыла о своих ногах. Убить месье Беливо? Да кому такое в голову могло прийти? Старый владелец магазина никого в жизни и на цент не обсчитал. Что может иметь против него Жиль Сандон?

Услышав, что они уходят, Клара выпрямилась, преодолевая боль, и посмотрела им вслед. Фигура Одиль напоминала грушу, и шла она чуть покачиваясь. Жиль был громадиной и всем своим видом напоминал медведя, а его узнаваемая рыжая борода была видна даже со спины.

Клара посмотрела на свои потные ладони, сжимавшие деревянные пасхальные яйца. Веселенькие краски впитались в кожу.

Внезапно спиритический сеанс, который казался забавной идеей несколько дней назад, когда Габри повесил в бистро объявление, извещавшее о приезде знаменитого экстрасенса мадам Айседоры Блаватски, стал видиться по-другому. Клара почувствовала, как на место радостного предвкушения пришел страх.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мадам Айседора Блаватски в тот вечер была сама не своя. На самом деле она была вовсе не мадам Айседора Блаватски.

— Прошу вас, называйте меня Жанна. — Эта похожая на мышь женщина стояла в центре второго зала бистро и протягивала руку. — Жанна Шове.

— Bonjour, Madame Chauvet. — Клара улыбнулась и пожала вялую руку. — Excusez-moi¹.

— Жанна, — напомнила ей женщина еле слышным голосом.

Клара шагнула к Габри, который предлагал гостям блюдо с копченым лососем. Зал начинал понемногу заполняться.

Габри протянул блюдо Кларе:

— Немного лосося?

— Кто она? — спросила Клара.

— Мадам Блаватски, знаменитый венгерский экстра-сенс. Ты что, не чувствуешь ее энергетику?

Кларе помахали Мадлен и месье Беливо, она ответила им тем же, потом посмотрела на Жанну, которая, судя по ее виду, готова была упасть в обморок, если бы кто-то ее освистал.

— Я определенно чувствую что-то, юноша, и это чувство — раздражение.

Габри Дюбо разрывался между двумя чувствами: с одной стороны, он испытал удовольствие, услышав подобное обращение к себе, а с другой — в этом обращении было что-то оскорбительное.

— Это не мадам Блаватски. Она даже не прикидывается ею. Ее зовут Жанна как-то там, — рассеянно сказала Клара, кладя кусочек лосося на черный хлебец. — Ты нам обещал мадам Блаватски.

— Ты даже не знаешь, кто такая мадам Блаватски.

— По крайней мере, я могу отличить мадам Блаватски от не мадам Блаватски.

¹ Добрый день, мадам Шове... Прошу прощения (*фр.*).

Клара кивнула и улыбнулась маленькой женщине средних лет, стоявшей посреди комнаты в некотором замешательстве.

— А ты бы пришла, если бы знала, что она — экстрасенс? — Габри качнул блюдом в сторону Жанны.

С блюда скатился каперс и потерялся в пушистом восточном ковре.

«Ну почему мы никогда не учимся? — вздохнула про себя Клара. — Каждый раз, приглашая гостя, Габри устраивает нечто запредельное. Что-нибудь вроде того чемпиона по покеру, который увез все наши деньги, или певца, в сравнении с которым даже Рут — настоящая Мария Каллас. И как бы ни были катастрофичны эти устраиваемые Габри мероприятия для жителей деревни, еще худшим злом они оборачиваются для ничего такого не ожидающих гостей, оказавшихся в центре загулявших Трех Сосен, тогда как они хотели всего лишь провести немного времени среди деревенского покоя».

Она посмотрела на Жанну Шове: та оглядывала комнату, отирала ладони о свои синтетические брюки и улыбалась портрету над пылающим камином. Прямо на глазах у Клары она словно бы исчезла. Это был настоящий трюк, хотя вряд ли он что-то говорил о ее способностях экстрасенса. Клара не испытывала к ней добрых чувств. И о чем только думал Габри?

— О чем ты думал?

— Что ты имеешь в виду? Она экстрасенс. Сама мне сказала, когда регистрировалась в гостинице. Ты права, она не мадам Блаватски. И не из Венгрии. Но она умеет предсказывать будущее.

— Постой-ка... — В голову Клары закрались подозрения. — Она хоть знает, что ты запланировал этот вечер?

— Я уверен, что она интуитивно это поняла.

— Ну да, когда стали собираться люди. Габри, как ты мог так с ней поступить? Как ты мог так поступить с нами?

— С ней все будет в порядке. Ты посмотри на нее. Она уже раскрепощается.

Мирна принесла Жанне Шове стакан белого вина, и та выпила его залпом, словно воду перед совершением чуда. Мирна посмотрела на Клару и вскинула брови. Еще немного — и Мирне самой придется проводить сеанс.

— Спиритический сеанс? — спросила Жанна минуту спустя, когда Мирна поинтересовалась у нее, чего им следует ожидать. — А кто будет его проводить?

Все глаза обратились на Габри. Он преувеличенно аккуратно поставил блюдо с лососем на столик и подошел к Жанне. Рядом с крупной фигурой Габри, излучавшего природный энтузиазм, эта невзрачная женщина как будто усохла еще больше и стала похожа на вешалку. По предположению Клары, ей было около сорока. Свои тускло-каштановые волосы она, видимо, стригла сама. Глаза у нее были голубые, словно выцветшие, а одежда явно куплена на распродаже. Клара, которая, будучи художницей, большую часть жизни провела в нищете, быстро определила это наметанным взглядом. У нее мелькнула мысль: почему Жанна приехала в Три Сосны и платит за номер в гостинице Габри, пусть и дешевой, но далеко не бесплатной?

Жанна больше не казалась испуганной — всего лишь растерянной. Кларе хотелось подойти и обнять эту миниатюрную женщину, защитить ее от того, что грядет. Ей хотелось угостить Жанну хорошим горячим обедом, дать возможность принять теплую ванну, окружить добротой, — может быть, это укрепит ее.

Клара оглядела зал. Питер категорически отказался идти сюда, назвав это шарлатанством. Но перед тем как она ушла, он задержал ее руку на секунду дольше, чем необходимо, и попросил быть осторожной. Клара улыбалась, шагая под звездами вокруг деревенского луга в приветливое бистро. Питер воспитывался в строгих англиканских традициях, и у него такие вещи вызывали неприятие. И даже пугали его.

За обедом они немного поговорили об этом, и Питер предсказуемо отстаивал точку зрения, что это помешательство.

— Ты хочешь сказать, что я помешанная? — спросила Клара.

Она знала, что ничего подобного он в виду не имел, но ей нравилось видеть, как он ежится. Питер поднял голову в густых кудрях с обильной сединой и сердито посмотрел на жену. Высокий и стройный, с греческим носом и умными глазами, он напоминал президента банка, а не художника. И тем не менее он был художником. Правда, художником, потерявшим связь со своим сердцем. Он жил в абсолютно рациональном мире, где все необъяснимое было помешательством, либо глупостью, либо безумием. Эмоции были безумием. Кроме такой эмоции, как его любовь к Кларе, которая была абсолютной и всепоглощающей.

— Нет, помешанная эта ваша экстрасенс. Она шарлатанка. Общение с мертвыми, предсказание будущего. Дребедень. Мошенничество старше самой старой книги.

— Какой книги? Библии?

— Не играй со мной в эти игры, — остерег ее Питер.

— Нет, правда. В какой книге говорится о превращениях воды в вино, хлеба в плоть? Или о волшебстве типа хождения по воде? Или о том, как расступаются воды моря, как слепые начинают видеть, а калеки — ходить?

— Это были чудеса, а не волшебство.

— Вот оно что...

Клара кивнула, улыбнулась и продолжила есть.

Так и получилось, что на спиритический сеанс Клара заявила в компании Мирны. Мадлен и месье Беливо тоже пришли. За ручки они не держались, но в любую минуту были готовы. Его длинная рука в свитере касалась ее руки, и та не отстранялась. В очередной раз Клара поразилась: насколько же привлекательна Мадлен. Она принадлежала к тому типу женщин, с которыми хотят дружить другие женщины и которых мужчины хотят заполучить в жены.

Клара улыбнулась месье Беливо и зарделась. Уж не потому ли, что застала их в интимный момент, когда

чувства, которые лучше держать при себе, прорываются наружу? Она подумала минуту-другую и поняла, что этот румянец больше связан с ней, чем с ним. Она стала иначе относиться к месье Беливо, случайно подслушав Жиль этим днем. Тихий бакалейщик превратился из человека приятного и добродушного в загадку. Кларе не нравилась эта трансформация. И сама себе она не нравилась из-за того, что слухи оказывали на нее такое сильное влияние.

Жиль Сандон стоял перед камином, энергично впитывая тепло задней частью своих обширных джинсов. Он был такой громадный, что почти целиком загораживал собой камин. Одиль Монманьи принесла ему стакан вина, и Жиль рассеянно взял его, предпочитая сосредоточить свое внимание на месье Беливо, который как будто не замечал этого.

Клара всегда симпатизировала Одиль. Они были одного возраста, обе посвятили себя искусству: Клара в качестве художника, Одиль — как поэтесса. Она заявляла, что работает над эпической поэмой — одой англичанам в Квебеке, что вызывало подозрения, поскольку сама она была француженкой. Клара на всю жизнь запомнила чтения, на которых она побывала в Королевском канадском легионе в Сен-Реми. Туда были приглашены все местные писатели, включая Рут и Одиль. Рут читала первой из своей жесткой поэмы под названием «Обращение к прихожанам».

Завидую: ваш монолит —
Собрание благих молитв.
Как я завидую, о да,
Легко вам вместе, без труда
Живется так. И не понять,
Как я одна могу стоять.

Потом наступила очередь Одиль. Она вскочила со стула и тут же принялась читать свое.

Идет весна, шмелиный гул,
Земля пускается в загул,

Рассет бёрбанк¹ и стрелостой
Стынь зимнюю зовут на бой,
И лето будет за весной.

— Замечательное стихотворение, — солгала Клара, когда все закончили и собрались около бара, чувствуя острую потребность выпить. — Мне вот что любопытно. Рассет бёрбанк я еще знаю, но вот о стрелостое никогда не слышала.

— Я его сочинила, — радостно сообщила Одиль. — Мне нужно было слово, которое рифмовалось бы с «бой» и «весной».

— А «зверобой» вас не устроило? — спросила Рут.

Клара кинула на нее предостерегающий взгляд, но Одиль взвесила это предложение:

— Боюсь, звучит недостаточно сильно.

— И верно, куда уж ему равняться со «стрелостоем», — сказала Рут Кларе и снова обратилась к Одиль: — Что ж, я, безусловно, чувствую себя обогащенной, чтобы не сказать оплодотворенной. Единственный поэт, с кем я могу вас сравнить, — это Сара Бинкс².

Одиль, никогда не слышавшая о Саре Бинкс, почувствовала, что ее культурный кругозор ограничен образованием, которое признавало только франкоговорящий гений. Она понимала, что Сара Бинкс, вероятно, величайшая английская поэтесса. Этот комплимент от Рут Зардо послужил мощным стимулом для творчества Одиль Монманы, и когда в их магазине «Ля мезон биоложик» в Сен-Реми выдавались тихие моменты, она доставала свою потрепанную, растерзанную школьную тетрадку и записывала туда новое стихотворение, иногда даже не дожидаясь вдохновения.

Клара, у которой были свои художнические терзания, находила у себя и Одиль общие черты и подбадривала ее.

¹ *Рассет бёрбанк* — сорт картофеля.

² «*Сара Бинкс*» — роман Пола Хиберта, представляющий биографию вымышленной поэтессы Саскачевана и высмеивающий литературную претенциозность.

Питер, разумеется, считал Одиль чокнутой, но Клара знала, что это не так. Нередко великих людей в искусстве определяет не гениальность, а стоицизм. Одиль была стойком.

Восьмером они собрались в уютном втором зале бистро, чтобы в эту Страстную пятницу приступить к воскрешению. Правда, пока было неясно, кто это будет делать.

— Только не я, — отказалась Жанна. — Я думала, что экстрасенс — кто-то из вас.

— Габри? — обратился Жиль Сандон к хозяину заведения.

— Но вы сказали мне, что умеете предсказывать будущее, — умоляющим тоном обратился Габри к Жанне.

— Это так. Карты Таро, руны и всякое такое. Я не общаюсь с мертвыми. По крайней мере, не часто.

«Забавно, — подумала Клара. — Если долго ждать, то можно услышать очень странные вещи».

— Не часто? — переспросила она.

— Иногда, — признала Жанна, слегка отстраняясь от Клары, словно опасаясь нападения.

Клара притворно улыбнулась и постаралась выглядеть менее напористой, хотя этой женщине и шоколадный заяц показался бы напористым.

— Не могли бы вы сделать это сегодня? Пожалуйста! — попросил Габри.

Задуманная им вечеринка рушилась на глазах.

Крохотная, похожая на мышку, хрупкая Жанна стояла в середине их кружка. И тут Клара увидела, как что-то промелькнуло на лице этой серой женщины. Улыбка. Нет. Ухмылка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Хейзел Смит развила бурную деятельность в своем уютном, хотя и тесноватом доме. Ей нужно было переделать миллион вещей до возвращения ее дочери Софи из Уни-

Пенни Л.

П 25 Самый жестокий месяц : роман / Луиза Пенни ; пер. с англ. Г. Крылова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-11339-8

Роман «Самый жестокий месяц» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

«Самый жестокий месяц» — так сказал поэт об апреле. И чтобы поддержать свою репутацию, этот месяц подвергает старшего инспектора Армана Гамаша суровому испытанию. Вместе со своей командой Гамаш вновь приезжает в деревню Три Сосны, чтобы расследовать загадочную смерть некой Мадлен Фарво. Во время спиритического сеанса, который местные жители проводили в старом заброшенном доме, пользующемся дурной славой, Мадлен внезапно умирает. Все считают, что она просто испугалась до смерти, ведь общение с миром призраков никому не проходит даром. Однако Гамаш подозревает, что дело гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Начав расследование, он неожиданно становится объектом яростных нападок в прессе, связанных с одним из его прошлых дел. Теперь ему нужно не только раскрыть предполагаемое убийство, но и обелить свое имя...

УДК 821.111
ББК 84(7Кав)-44

Литературно-художественное издание

ЛУИЗА ПЕННИ
САМЫЙ ЖЕСТОКИЙ МЕСЯЦ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Лариса Ершова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.08.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



H-MBD-19368-05-R